

Сяо Янь, видя, что настроение сына наконец улучшилось, обсудил с ним ещё кое-какие дела и, уходя, велел Люй-и заботиться о принце как следует, чтобы тот больше не тревожился. Все в Чертоге Чэнлань почтительно приняли повеление.

Когда Сяо Янь удалился, в чертоге вновь воцарилась тишина. Сяо Цичэнь, сидевший на ложе, всё ещё носил на щеках следы слёз, но выражение его лица было уже спокойным. Он поманил Люй-и, и та подала ему платок.

Сяо Цичэнь вытер слёзы и спросил:

— Как я сыграл?

Люй-и восхищённо ответила:

— Слёзы вашего высочества льются, будто даром... За все годы службы в дворце я ни разу не видела, чтобы император проявлял такую отеческую любовь.

— И отлично, — сказал Сяо Цичэнь, опуская платок в таз с водой и глядя на своё отражение. — Скоро я выйду из дворца. Мне нужно повидать Су Яня, иначе я не успокоюсь. В городе усилены меры, так что в ближайшее время ничего не случится.

Люй-и не смогла его отговорить. Она так и не поняла, что замышлял этот молодой господин, который только что рыдал, а теперь вёл себя спокойно, будто ничего и не было. Она лишь помогла ему переодеться в одежду потемнее и с покорностью проводила до ворот дворца. По дороге ей почудилось, будто за ними кто-то следует, — наверное, те самые легендарные тайные стражи. Но, оглянувшись, она никого не увидела.

Они, словно две безмолвные тени, держались позади Сяо Цичэня на почтительном расстоянии, не показываясь.

На этот раз Сяо Цичэнь покинул дворец без лишней помпы, сняв сложные и роскошные головные уборы принца и просто собрав волосы. В тёмно-синем халате он отправился в дом маркиза Пинъюаня на повозке.

Он редко бывал здесь. Распахнув ворота и увидев внутри поистине спартанскую обстановку, он невольно вздохнул:

— Все твердят, что великий полководец живёт ради страны и народа, а у самого в доме и присмотреть за хозяйством времени нет...

Бессознательно бродя взглядом по комнате, он обернулся и заметил человека, сидевшего под абрикосовым деревом во дворе и дремавшего в плетёном кресле.

Су Янь обычно производил впечатление строгого и собранного человека, которого никоим образом нельзя было связать со словом «распущенность». Черты его лица были правильными, брови часто нахмурены, и он всегда выглядел так, будто несёт на плечах тяжкое бремя забот о стране и народе. Но Сяо Цичэнь знал: когда тот улыбался искренне, улыбка его была мягче весеннего горного ручья.

В тот момент Су Янь, с перевязанной левой рукой, покоившейся на подлокотнике кресла, и правой, подпиравшей голову, спал глубоким сном. Слуг в доме маркиза было мало, и старик Ван уже собирался его разбудить, но Сяо Цичэнь остановил его.

Он медленно подошёл и присел на корточки перед Су Янем. С этого ракурса черты лица Су Яня казались ещё приятнее, а длинные ресницы отбрасывали на сомкнутые веки лёгкую тень. Сяо Цичэнь моргнул и молча отметил про себя, что его друг детства... похоже, был не до конца раскрывшимся красавцем.

Возможно, когда он повзрослеет, то станет таким же предметом воздыханий девушек Цзиньлина, каким в своё время был Се Хуэй? Сколько же их мечтает выйти замуж в дом маркиза?

При этой мысли Сяо Цичэнь почувствовал в сердце неприятную горечь.

Он ещё не успел понять, откуда взялось это чувство, как Су Янь моргнул и очнулся от короткого сна. Взгляд его был несфокусированным, но, увидев перед собой присевшего человека, он мгновенно пришёл в себя и рефлекторно дёрнулся назад, едва не опрокинувшись вместе с креслом.

Сяо Цичэнь поднялся:

— Испугался?

Су Янь сглотнул. Брови его, расслабленные во сне, вновь слегка нахмурились:

— Ты же... во дворце... Как ты выбрался? За тобой следят?

Сяо Цичэнь указал на ворота, где ровным строем стояло несколько стражников императорской гвардии. Су Янь встал, уступив кресло принцу, принёс табурет и принялся наливать чай. Поскольку левая рука не слушалась, он только поднял чайник, как Сяо Цичэнь забрал его. Принц налил чай обоим и, заметив на столе сушёную хурму, на удивление не потянулся к ней.

— Не любишь? — спросил Су Янь.

Сяо Цичэнь покачал головой:

— Не до сладкого. Что с рукой? Вчера ты говорил, что не ранен.

— Нечаянно получил удар клинком, — ответил Су Янь. — Рана неглубокая, вчера вечером обработал. Но старик Ван слишком переволновался и замотал в несколько слоёв... Неудобно двигаться, но в целом ничего.

Услышав это, Сяо Цичэнь лишь кивнул и замолчал.

Он в тот день был подозрительно молчалив. Су Янь подумал, что тот всё ещё под впечатлением от нападения, и заговорил мягче обычного. Сопоставив услышанное после совета с рассказами принца, он понял: слёзы Сяо Цичэня были притворными, но ночные кошмары — самыми что ни на есть настоящими.

— ...Мне снилось, будто тебя разрубили пополам и эти двое волокли за лошадьё больше десятка ли. А потом — что тебе отрубили руки и ноги и бросили на обочине... Стоило мне закрыть глаза — и передо мной возникали самые разные окровавленные обрубки...

Су Янь почувствовал, как у него зашевелились волосы на голове, а по всему телу разлилась смутная ломота. Он поспешил прервать:

— Ладно, хватит. Это всего лишь сны. Видишь, я цел и невредим. Перестань об этом думать.

Сяо Цичэнь, выплеснув поток бессвязных жалоб, наконец успокоился и сказал Су Яню:

— Вчерашние двое напали на окраине Цзиньлина. Похоже, они и не собирались меня убивать. Вероятно, они следили за мной какое-то время и узнали, что я отправился к старшему брату Пину без свиты. Но если уж представился такой удобный случай, почему они не напали на нас на полпути к городу? Там-то уж точно было бы некуда бежать.

Су Янь уже обдумывал эти несостыковки прошлой ночью и, услышав его слова, подхватил:

— Да и убежали они, едва заслышав гвардию Цзинью. Я скрестил с ними клинки — искусны они были, но не настолько же...

Сяо Цичэнь насторожился:

— Может, они просто хотели меня предостеречь?

Су Янь понял, что он имел в виду. Обмакнув палец в чай, он написал на столе иероглиф «Чжао». Сяо Цичэнь покачал головой:

— Будь это его рук дело, он бы не дал мне шанса поплакать перед отцом.

— Если это предостережение... то против чего? Может, они хотят, чтобы ты больше не ходил в резиденцию князя Чу?

Эти слова стали для Сяо Цичэня озарением:

— Они хотят, чтобы брат Пин навсегда отошёл от дел! Хотя наследный принц и низложен, его преданные сторонники всё ещё здесь. Они стремятся разорвать мою связь со старшим братом, а затем изолировать меня. Что сможет сделать мелкий принц в одиночку? Только подчиниться их воле!

Су Янь внутренне изумился. Он лишь намекнул, а Сяо Цичэнь уже развил мысль дальше. Правда, некоторые из этих слов только что говорил ему сам Сяо Ципин. Не услышь он их, смог бы он додуматься до такого?

— Должно быть, это Ваньцин, — уверенно сказал Сяо Цичэнь, опередив его вопрос. — Я найду способ её проверить. Кстати, отец дал мне двух тайных стражей. Говорят, кроме одной школы боевых искусств, они — лучшие убийцы. Наверняка и в сборе сведений мастера.

Тайная стража... Су Янь вдруг вспомнил о Жань Цю. Трёхлетний срок истёк, а он так и не вернулся из Чаньяня. Эта мысль вызвала в нём лёгкую тревогу, но её не удалось заглушить более насущными заботами.

Они обменялись ещё парой незначительных фраз, и Сяо Цичэнь собрался возвращаться во дворец, как вдруг хлынул дождь.

Осенний дождь — что о нём говорить? Но этот был особенно сильным, почти не уступая летней грозе. Чёрные тучи нависли над городом, и лишь на горизонте виднелась золотистая полоска — зрелище поистине диковинное. Сяо Цичэнь не мог уйти и остался с Су Янем под навесом крытой галереи. Через пелену дождя они молча наблюдали за садом на стыке осени и зимы.

— ...А Янь, в этом году я снова пропущу твой день рождения, — вдруг вздохнул Сяо Цичэнь.

Дождь шумел слишком громко. Су Янь не расслышал и наклонился к нему:

— Что?

Сяо Цичэнь, вспомнив, как тот спал, тронул уголки губ:

— Ничего. Вчера, вернувшись во дворец, я осознал, как сильно испугался... Наверное, когда ты рядом, я... верю, что буду защищён.

Он не договорил, поднял чашку и отпил. Су Янь больше не стал спрашивать и перевёл разговор:

— Хочешь сладкого? Хурма тоже довольно сладкая, я помню, ты раньше любил.

Сидеть вместе в дождливый вечер... Если бы не груз забот, лежавший на их сердцах, Сяо Цичэнь мог бы подумать, что время повернуло вспять.

Увы, их давила тяжесть происхождения, и им оставалось лишь идти вперёд, сгибаясь под ношей. Беззаботность юных лет растаяла за несколько лет, будто это был всего лишь сон на южном дереве. Проснувшись, можно было лишь сожалеть — назад пути нет.

<http://bllate.org/book/15940/1425040>